

Кострюк (10)

Архангельской губернии.

Поизволил наш царь государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Поизволил он женитисе,
Не у нас на светой на Руси,
Не у нас в каменной Москвы,
У короля в проклятой Литвы,
Он на Марье Темрюковны.
Он немного с собою поезду берёт,
Полтораста татаринов берёт,
Полтретьяста боярских детей,
Петьсот стреманных стрельчей.
Собиралосе поезду
Окол целоей тысени.
Покатилсэ наш царь государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Покатилсэ в прокляту Литву,
Он по Марью Томрюковну,
Прикатилса в прокляту Литву,
Здраво стал он в проклятой Литвы,
Брал он Марью Темрюковну.
Как втапоры отец Темрюк
Он немного проважатых кладёт,
Полтараста татаринов кладёт,
Полтараста татарских детей,
Петьсот стреманных стрельцов.
Собиралось проважатых гостей
Окол целоей тысени;
Да ищэ он проважатого кладёт
Кострюка сына Темрюковиця.
Покатилса наш царь государь,
Наш Иван сударь Васильевич,
Покатилса на светую Русь,
На свету Русь, камену Москву,

Он со Марьей Темрюковной.
Прикатилса в камену Москву,
Заходил он во божью черькёв,
Да ставал на подножок-от,
Он примал золотые венчи
Да со Марьей Темрюковной.
Покатилса наш царь государь,
Наш Иван сударь Васильевич,
Покатилса из божьей церкви
Да со Марьей Темрюковной,
Он пошел в ложню тёплую,
Он ложилса во теплу ложню.
Дак втапоры дядюшка царев,
Стар Микита Романович,
Он и ўцял столы становить,
Он ведь ўцял гостей пótчивати.
Дак и хлеб-от у царя на столе,
Да ествы-то у царя на столе,
Да питья-то у царя на столе,
Да и вси у нас пьют и едят,
Пьют, едят, потешаютче,
За царя Богу молятче,
За Иван сударь Васильевича,
За царицу за Марью Темрюковну;
Да один у нас не пьёт, не ес,
Он не пьёт, не ес, не тешитсе,
За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За царицу за Марью Темрюковну;
Он ведь просит борца-молодца,
Поучэна добра молодца,
Скажот: «семь городов испрошол,
Тридцеть борцов поборол,
Не нашол по сибе борца,
Поучена добра молодца».
Кабы втапоры дядюшка царёв
Стар Микита Романович,
Приходил да к ложни тёплой,
Он колотитця с молитвою,

Говорит таковы речи:

«Уж ты ой еси, царь государь!
Царь Иван сударь Васильевич!
Дак и хлеб-от у миня на столе,
Да ествы́-те у миня на столе,
Да питья-те у миня на столе,
Дак и вси у нас пьют и едят,
Пьют, едят, потешаютце,
За царя Богу молятце,
За царицу за Марью Темрюковну,
Промежу собой хвастают;
Да один у нас не пьёт, не ес,
Он не пьет, не ес, не хвастает,
За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За Марью Темрюковну,
Да по имени Кострюк сын Темрюкович.
Он ведь просит борца молодца,
Поучена добра молодца,
Скажот: «семь городов испрошол»,
Скажот: «тридцеть борцов поборол,
Не нашол по сибе борца,
Поучёна добра молодца».
Говорит Иван Васильевич:
«Уж ты ой еси, дядюшка царев!
Стар Микита Романович!
Выходи на крыльцо красное,
На прекрасно государево,
Ты крычи-зычи во всю голову,
Штобы чуть было по всёй Москвы,
Как по всей Москвы, по Замосквы,
С Кострюком поборотисе,
С Темрюком поотведатце».
Собиралися богатыри
К государеву ко́ двору,
Ко прекрасненькёму ко крыльцу.
Кабы втапоры дядюшка царев
Выходил на крыльчо красное,
На прекрасно государево,

Он кричал-зычал во всю голову,
Штобы чуть было по всей Москвы,
По всей Москвы, по Замосквы:
Собиралисе богатыри
С Кострюком поборотисе,
С Темрюком поотведатце,
Как из нижняго из конца
Как из маленькёго из дворца
Выходили два богатыря:
Кабы Васинька маленькёй,
Да Потанюшка хроминькёй.
Кабы Вася на царев кабак пошол,
А Потаня ко дворцу государевому,
Ко крылечюшку прекраснинькёму;
На одну ножку прихрамываёт,
На другу ножку припадываёт,
Костылем подпиратце,
Ко дворцу приближаитце.
Кабы втапоры дядюшка царёв,
Стар Микита Романович,
Говорил таковы речи:
«Уж ты ой еси, Потанюшка хроминькёй,
Уж ты можешь ли Кострюка побороть?
Побороть, обезвечить его?»
Говорит Потаня хроминькёй:
«Уж ведь я Кострюка поборю,
Поборю, обезвечу его.
Кабы я-то вчера хмелён был,
Кабы ныне голова-то болит,
Кабы мне-то приоправитце».
Кабы втапоры дядюшка царёв,
Стар Микита Романович,
Наливает цару зелена вина
Как немалу полтара ведра,
Как подносит Потанюшке хроменькёму;
Как берёт Потаня единой рукой,
Выпиват единым духом,
Сам за чарой поклоняйтца:
«Да ищэ-то я, Потаня, не оправилсэ,

Как болит у Потани буйна голова».
Да и втапоры дядюшка царев,
Стар Микита Романович,
Наливает-то чару зелена вина,
Как немалу, полтара ведра,
Как подносит Потане хроминькёму;
Как берёт Потаня цяру единой рукой,
Выпивает единым духом,
Сам за чарой поклоняйтця:
«Да ищэ Потаня не оправилса».
Да и втапоры дядюшка царев,
Стар Микита Романович,
Он еще подносит зелена вина;
Как берёт Потаня цяру единой рукой,
Выпивает единым духом,
Кабы сам за цярой поклоняйтца:
«Как топерь я могу Кострюка побороть,
Побороть, обезвечить его».
Как втапоры дядюшка царев
Заходил во гриню светлую,
Он ведь подчоват провожатых гостей:
«Как и хлеб-от у меня на столе,
Да и ества у меня на столе,
Да и питья-то у меня на столе,
Да борцы-ти у меня на дворе».
Да и втапоры Кострюк сын Темрюкович
Он скочил через дубовы столы,
Он одной ногой за скамью задел,
Полтораستا татаринов убил,
Полтретьяста татарских детей,
Петьсот стременных стрельцей,
Он убил-пригубил всех провожатых гостей,
Выходил он вон на улечу.
Да и втапоры дядюшка царев,
Стар Микита Романович,
Приходил он к ложни теплой,
Колотилса с молитвою,
Он будил-то Ивана Васильевича:
«Уж ты ой еси, царь государь!

Царь Иван сударь Васильевич!
Выходи на крыльцо красное
Как смотреть борьбу богатырскую».
Дак и вышел наш царь государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Да со Марьей Темрюковной
На крылечушко на красное,
На прекрасно государево.
Говорит Потаня хроминькёй:
«Уж ты ой еси, царь государь!
Царь Иван сударь Васильевич!
Уж мы кой коегó поборём,
С виноватого штобы платье снеть,
Да спустить его нага, да как мать родила».
Говорит Иван Васильевич:
«Да лишь бы тебе Бог пособил».
Говорит Марья Темрюковна:
«Кабы преж борцы боролисе,
Кабы преж стрельчи стрелелисе,
С виноватого платье не сымывали».
Как не две горы скаталисе,
Два богатыря сходилисе;
Да впервы-ти Кострюк поборол,
Да в други-ти Кострюк поборол.
Дак и втапоры дядюшка царёв,
Стар Микита Романович,
Он ведь рвёт седую голову,
Да и щыплет седую бороду:
«Уж ты, горькая белая голова!
Ты, безчасная седая борода!
Доставалась на поруганьё
Злу татарину проклятому;
Самому будёт отведатце,
С Кострюком поборотисе».
Да Потанюшка справилса,
За рубашенькю сграбилса,
Выздымал выше головы,
Опускал о сыру землю,
О гумёнецкё мёдвенно;

Не сорочинья спархивала
На Кострюке кожа треснула,
Он спустил его нага, да как мать родила.
Поволокся Кострюк сын Темрюкович,
Поволокся под крылечушко,
Он долонью прикрываитце.
Дак и втапоры царь государь,
Царь сударь Иван Васильевич,
Он прошол во ложню теплую,
Он со Марьей Темрюковной,
Он ложилса в ложню теплую,
На кроватоцькю тисовую.

Павел Марков рассказал, после того, как спел старину, следующую легенду: Марья Темрюковна осердилась на царя Ивана, что позволил Потане посрамить её родного брата Кострюка; она вызвала Ивана Васильевича «поединщиком на полё, битця-боротце». При царском дворе был боярин Бельской, так же как царь лицом и возрастом; Марья Темрюковна уехала вперед на поле, а Бельского средили в царское платье и послали драться с ней. «Бельской выехал, разъехались, Бельской царицу копьём шшип, она с лошади пала, а Бельской сел ей на белы груди, да и распорол груди белыя, а царица говорит: «Не быть то Ивану Васильевичу, быть собаке Бельскому»».

(Записана Н. Е. Ончуковым в 1902 году в д. Бедовой Пустозерской волости Арханг. губ. Напечатана в «Печорских былинах» под № 91, стр. 363-370)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.